

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 82-312.2

АКТУАЛИЗАЦИЯ ЛИМИНАЛЬНОЙ МИФОЛОГЕМЫ В РОМАНЕ Л. Н. ТОЛСТОГО «ВОСКРЕСЕНИЕ»

© **Бабичева Юлия Геннадьевна**

кандидат филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой русского языка и литературы,
Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет
имени В. М. Шукшина
Россия, 659333, г. Бийск, ул. Короленко, 53
E-mail: felixjul@ya.ru

В статье исследуется система лиминальных мифологем в романе Л. Н. Толстого «Воскресение». Выявлен и концептуально описан ряд «пороговых» элементов художественного мира произведения, закрепленных в таких мифологемах, как дорога, лес, река, вода, огонь, ребенок (дитя), старик. Манифестируется их полифункциональность и амбивалентность, порождающие переходность внутренних и внешних состояний объектов и субъектов сибирского хронотопа. Особо актуализируется структурно-содержательная ценность мифологемы реки как идейной доминанты лиминальной ситуации, характерной для сибирского топоса в целом. Акцентируется «дезориентация» главного героя романа в границах тернеровской идеи лиминальности. Подчеркивается концептуальная значимость «пороговых» элементов в идейно-содержательном плане романа, обнажающих морализаторскую тенденцию, направленную на утверждение необходимости нравственного самосовершенствования как единственного пути обретения истины.

Ключевые слова: лиминальность; мифологема; «пороговая» ситуация; «дезориентация» персонажа; сибирский хронотоп; амбивалентность; антитеза.

В контексте актуализации идеи маргинальности в современной научной гуманитарной парадигме в целом, закономерно встает вопрос о исследовании переходных, «пороговых», явлений, составляющих внутренний каркас процесса перехода. В этой связи наибольший научный интерес, на наш взгляд, представляет феномен лиминальности. Лиминальность, являясь одной из наиболее важных категорий антропологии и современного изучения культуры, развивает онтологию перехода как ключевого социального и психологического состояния личности [6].

Терминологическая и концептуальная транспозиция лиминальности из сферы антропологии в сферу литературоведения принадлежит Виктору Тернеру [3]. Литературно-критическая традиция бытования этого понятия предполагает выявление и описание переходных состояний, манифестирующих смысловые доминанты художественного текста на различных уровнях: образном, композиционном, хронотопическом, которые в итоге «сходятся» на генерализующем уровне текста, представляющем собой систему архаических элементов, одним из которых является мифологема [7].

В этой связи лиминальные компоненты целесообразно рассматривать сквозь призму мифологических структур, лежащих в основании художественного текста. Мифологема – термин, используемый для обозначения мифологических сюжетов, сцен, образов, характеризующихся глобальностью, универсальностью и имеющих широкое распространение в культурах народов мира; это образ, обладающий качествами целостности, содержащий устойчивый комплекс определенных черт. Мифологема содержательно амбивалентна, а ее реализация в художественном тексте – всегда результат сближения универсального культурного опыта и индивидуальных авторских интенций.

Целью данной работы является рассмотрение семантической наполненности лиминальных мифологем в романе Л. Н. Толстого «Воскресение», представляющем собой в его третьей части яркий образец «сибирского интертекста» [5].

Как известно, в основании сибирского мифа лежат две сакральные архаичные мифологемы – рая и ада [2]. Подобная изначальная дипольность и создает, на наш взгляд, лиминальность сибирского хронотопа, сквозь призму которого и рассматривается концептуальная составляющая третьей части романа «Воскресение». Кроме того, хронотопические характеристики Сибири подчеркивают ее «отдельность», иномирие, усиливая тем самым пороговость топоса: «А мы думали, что вы уже совсем в Россию уехали, – сказала она» [4]. Это замечание в адрес героя романа обнажает идею о том, что «Сибирь не Россия». Антитеза «Сибирь – Россия», таким образом, приобретает ценностную окраску в идейных границах произведения, развенчивающего порочную систему, характерную для всей политической и моральной обстановки самодержавной России того времени. Именно «Не совсем Россия» – лиминальное, по сути, пространство – становится местом личностных поисков и духовных обретений персонажей романа.

В этом отношении целесообразно говорить о системе «пороговых» элементов, проявляющихся на различных уровнях художественного текста. Прежде всего, актуализирована предметная «переходность», подчеркивающая размытость, в частности, природно-климатического компонента: «Было раннее сентябрьское утро. *Шел то снег, то дождь* с порывами холодного ветра» «Погода *переменилась...*» [4]. Мифологема дождя традиционно амбивалентна: падающие с небес капли воды становятся не только символом возрождения и жизненных сил, но и разрушения и возмездия, усиливающегося сопряжением с образом снега и холодного ветра, рождающего симбиоз смешанных коннотаций. Состояние окружающей среды ярко передает внутреннее состояние героев, готовящихся к духовной реинкарнации.

Важно отметить, что само перемещение по сибирскому локусу представляется подобием нисхождения в преисподнюю, не лишенном, однако, света: «Пройдя площадь с церковью и длинную улицу с *ярко светящимися окнами* домов, Нехлюдов *вслед за проводником* вышел на край села в *полный мрак*. Но скоро и *в этом мраке* *завиднелись расходящиеся в тумане лучи от фонарей*, горевших около этапа...» [4]. В данном контексте очевидна актуализация идеи лиминальности: обретение себя «нового» невозможно без умирания; образ света во тьме традиционно позиционируется как обретение надежды и веры, что в границах христианской идеи романа представляется знаковым.

Лиминальность хронотопических элементов порождается антитетичностью предметного мира романа: «Дорога, вся изрытая глубокими колеями, шла *темным хвойным лесом, пестревшим с обеих сторон яркой и песочной желтизной* не облетевших еще листьев берез и лиственницы» [4]. Символика леса как образа хаоса, подкрепляемая в данном контексте соответствующими эпитетами, коррелирует с космогоническим сюжетом о рождении мира из небытия. Контраст цветописы органичен состоянию путника, переживающего духовный «переход».

Репрезентативна и одна из основополагающих пространственных мифологем – мифологема дома: «*Мрачный дом* острога с часовым и фонарем под воротами, *несмотря на чистую, белую пелену*, покрывавшую теперь все – и подъезд, и крышу, и стены, производил еще более, чем утром, мрачное впечатление своими по всему фасаду освещенными окнами»; «Во всех трех домах теперь светились огни, как всегда, *в особенности здесь, обманчиво обещая что-то хорошее...*» [4]. Образ огня, сквозь призму которого семантически раскрывается мифологема дома, в классической мифологической традиции полифункционален и часто демонстрирует тонкую грань между жизнью и смертью, а в контексте идейной нагрузки романа – между ложными представлениями о жизни и обретением истины. Кроме того, данный пример явственно передает «тернеровскую» идею о «неопределенности» героя в границах лиминальности. Отсюда контекстуальная оксюморонность самих предложений. Герой, с одной стороны, видит воочию вполне традиционные образы сибирского острожного мира, но ощущает их внутренне в ином контексте.

Дезориентация персонажа манифестируется и в неразличности внутренних ощущений в восприятии окружающего мира: «Оба эти впечатления – гул голосов с звоном цепей и этот ужасный запах – всегда сливались для Нехлюдова в одно мучительное чувство какой-то нравственной тошноты, переходящей в тошноту физическую. *И оба впечатления смешивались и усиливали одно другое*» [4].

Ядровым компонентом в системе предметной лиминальности сибирской мифологемы служит образ реки, которая выступает наиболее ярким символом пороговости – границы жизни и смерти: Нехлюдов «подъехал к реке, через которую переезд был на пароме. Паром был на середине быстрой реки и шел с той стороны. <...> Быстрая, широкая река хлестала в борта лодок парома, натягивая канаты» [4]. Вода является одной из фундаментальных стихий мироздания, элементом сакральной топографии. Традиционно река представляется разновидностью пути, а переправа через реку – символом завершения важного дела и приобретения новых качеств [1]. Неслучайно Нехлюдову именно на пароме являются в памяти антитетичные образы – бодро шедшей Масловой и умирающего Крыльцова, порождающие в нем пороговые чувства непреодолимой тяжести.

Знакова и встреча на пароме с лохматым стариком, никому не верящим, кроме себя: «Вер много, а дух один. И в тебе, и во мне, и в нем. Значит, верь всяк своему духу, и вот будут все соединены. Будь всяк сам себе, и все будут заедино» [4]. Этот тезис становится «пороговым» в утверждении истиной веры в героическое. Духовное обретение приходит к Нехлюдову в пространстве лиминальности: перемещение на пароме по сибирской реке ассоциируется с идеей невозвращения, связанной с функцией проводника душ в загробном мире и манифестируемой в контексте романа как уход от ложных ценностей. Старик, подобно Христу,

проповедует единство и равенство всех людей перед Богом, которое предполагает соблюдение заповедей всеми без исключения людьми. Это тот путь, на который и встает впоследствии герой. Таким образом, пространство реки связывается с мотивом обретения истины.

Мифологема воды фигурирует и в финале исканий Нехлюдова: «Он не спал всю ночь и, как это случается со многими и многими, читающими Евангелие, в первый раз, читая, понимал во всем их значении слова, много раз читанные и незамеченные. *Как губка воду*, он впитывал в себя то нужное, важное и радостное, что открывалось ему в этой книге» [4]. Здесь вода предстает как символ очищения и возрождения.

Восприятие Евангелия тоже лиминально в основе своей и продолжает идею дезориентации героя в ситуации переходности: «Как жалко, что это *так нескладно*, – думал он, – *а чувствуется*, что тут *что-то хорошее*» [4]. И только дочитав до идеи всепрощения, почерпнув простую истину, герой преодолевает лиминальное состояние: «Нехлюдов уставился на свет горевшей лампы и замер. Вспомнив все безобразие нашей жизни, он ясно представил себе, чем могла бы быть эта жизнь, если бы люди воспитывались на этих правилах, и давно не испытанный восторг охватил его душу. Точно он после долгого томления и страдания нашел вдруг успокоение и свободу» [4]. Показательно, что Нехлюдов открывает Евангелие от Матфея на главе 18 и в части, где Иисус «призывает дитя». Образ ребенка пересекается с мыслью о рождении, вернее, возрождении души («если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в царство небесное») [4]. Этот тезис манифестирует преодоление «пороговости».

Идея лиминальности, таким образом, сопрягается с идеей возрождения (воскресения), поскольку лиминальность часто уподобляется смерти, утробному существованию. В этой связи коннотации, связанные с рецепцией сибирского локуса, приобретают антиномичное звучание, поддерживая идею амбивалентности мифологемы, подкрепляя идею двуполности сибирского локуса.

Таким образом, система лиминальных мифологем, реализуемых в художественном пространстве романа, позволяет актуализировать морализаторскую тенденцию произведения, сводящуюся к проповеди нравственного самосовершенствования как единственного средства борьбы со злом, продемонстрировать сложный путь обретения истины, граничащий с универсальной идеей об умирании и последующем возрождении.

Литература

1. Лобова О. Л. «Акши светлая струя...» (символический образ русской реки в поэтическом дискурсе) [Электронный ресурс] // Молодой ученый. – 2016. – № 11.2. – С. 74–77. URL: <https://moluch.ru/archive/115/30782/> (дата обращения: 10.02.2019).
2. Собенников А. С. Миф о Сибири в творчестве А.П. Чехова («Очерки из Сибири») [Электронный ресурс]. URL: http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publications/sbornik_Sib/5_8.html (дата обращения: 10.02.2019).
3. Тернер В. Ритуал и символ. – Москва: Наука, 1983. – 277 с.
4. Толстой Л. Н. Воскресение [Электронный ресурс]. URL: <https://ilibrary.ru/text/1462/p.102/index.html> (дата обращения: 10.02.2019).
5. Тюпа В. И. Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы // Сибирский филологический журнал. – 2002. – № 1. – С. 27–35.

Ю. Г. Бабичева. Актуализация лиминальной мифологемы в романе Л. Н. Толстого «Воскресение»

6. Фусу Л. И. Концепции лиминальности в научном дискурсе как междисциплинарная проблема [Электронный ресурс] // Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being. 2017, Vol. 6, Is. 3A. URL: <http://www.publishing-vak.ru/file/archive-philosophy-2017-3/22-fusu.pdf> (дата обращения: 10.02.2019).

7. Юнг К. Г. Душа и миф: шесть архетипов / пер. с англ. – Киев: Гос. библиотека Украины для юношества, 1996. – 384 с.

8. Ratiani I. The Theory of Liminality. The Problem of Anthropology and Contemporary Literary Criticism [Электронный ресурс]. URL: <http://irmaratiani.ge/sammarruss-01.htm> (дата обращения: 10.02.2019).

ACTUALIZATION OF LIMINAL MYTHOLOGEM IN “RESURRECTION” NOVEL BY LEO TOLSTOY

Julia G. Babicheva

Cand. Sci. (Phil.), A/Prof.,

Head of Department of the Russian Language and Literature,

Shukshin Altai State University for Humanities and Pedagogy

53 Korolenko St., Biysk 659316, Russia

E-mail: felixjul@ya.ru

The article reviews the system of liminal mythologems in Leo Tolstoy's novel "Resurrection". The author identifies and conceptually describes a series of threshold elements of the novel's artistic world identified in such mythologems as a road, forest, river, water, fire, child, and old man. Their polyfunctionality and ambivalence, which generates the transitivity of internal and external states of objects and subjects of the Siberian chronotope, are manifested. The structural and substantial value of the mythologem of a river as an ideological dominant of the liminal situation, which characterizes the Siberian text as a whole, is particularly actualized. The "disorientation" of the main character of the novel within the boundaries of Turner's idea of liminality is emphasized. The author also shows conceptual significance of the threshold elements in the ideological and content plan of the novel, exposing the moralizing trend, aimed at asserting the need for moral self-improvement as the only way to find the truth.

Keywords: liminality, mythologem, “threshold” situation, “disorientation” of character, Siberian chronotope, ambivalence, antithesis.